

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1 ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ 1

ГЛАВА 1. ПОЛИТОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М.А.Хрусталев

I. Политология в системе современного научного знания

Учитывая ту доминирующую роль, которую играет политология в нормативном политическом анализе¹ необходимо начать именно с нее. Как явствует из самого ее названия, которое в дословном переводе означает учение о политике, она является теоретической научной дисциплиной. Ее появление и развитие было обусловлено, с одной стороны, накоплением обобщенного научного знания о политике в целом ряде научных дисциплин и усилением интегративной тенденции в современной науке, с другой.

В принципе, до начала XX века эволюция научного знания проходила под знаком господства дифференциальной тенденции, которая находила свое конкретное выражение в выделении все большего числа предметных областей и субобластей, что вело к быстрому росту числа научных дисциплин и субдисциплин. В настоящее время их число по различным оценкам составляет от трех до пяти тысяч. Каждая из них, естественно, формирует понятийный аппарат и профессиональный лексикон, что стимулирует дивергенцию не только между предметными областями, но зачастую и внутри их самих.

Усиление подобного рода дивергенции объективно создало реальную опасность дезинтеграции научного знания. Неизбежной реакцией на это стало развитие интегративной тенденции, что привело к появлению целого спектра общенаучных и частнонаучных теорий. И если первые выполняют интегративную функцию в рамках науки в целом или одной из ее сфер (например, обществоведения), то вторые делают это в определенной предметной области и, как таковые, представляют собой предметные теории. К категории этих последних относится политология.

Общенаучные теории в известном смысле предметно индифферентны, так как непосредственно не связаны с традиционной пред-

---

¹ Под нормативным политическим анализом понимается здесь и в последующем процесс познания конкретных политических реалий на основе теоретического знания. Его альтернативой является эмпирический политический анализ, базирующийся на опыте и здравом смысле.

метной дифференциацией. Предметом их исследования является некое атрибутивное свойство, присущее реальности. Первой подобного рода научной дисциплиной можно с полным основанием считать математику, которая исследует такое всеобщее свойство как «количество». На протяжении не одного тысячелетия она выполняла интегративную функцию, в основном, правда, в сфере естественных наук.

Исследованием «качества» занималась философия, но делала и делает это она в синкретической форме, что оказалось явно недостаточным в условиях нарастания предметной дифференциации. Как следствие, произошло выделение отдельных аспектов «качества», исследование которых и стало функцией общенаучных теорий.

Появлению каждой общенаучной теории (группы теорий) предшествовало формулирование соответствующей общенаучной парадигмы, то есть концепции исследования некоего общего свойства. Она определяла не только направление научного поиска, но и формировала определенный стиль научного мышления. Став доминирующим, он оказывал существенное влияние на формирование и развитие частнонаучных теорий до тех пор, пока не возникала новая парадигма, которая оттесняла предшествующую на периферию научного поиска. Вместе с тем, эта последняя, хотя и переставала быть доминирующей, оставалась на вооружении науки и продолжала развиваться.

Таким образом, обеспечивается многосторонний прирост теоретического знания, которое пополняется и частнонаучными теориями, каждая из которых в ходе своего развития также переживает процесс смены специфических (предметных) парадигм. Именно они детерминируют степень включенности общенаучных теорий в предметную область. Зачастую она является чисто формальной, что означает перекодировку, то есть замену одних терминов другими.

Процесс парадигмальной эволюции современной науки представляется в виде следующей формулы: $m \rightarrow \varepsilon \rightarrow I \rightarrow O$ (вещество — энергия — информация — организация). Соответственно, выстраивается ряд последовательно сменявших друг друга общенаучных парадигм: механистическая — энергетическая — информационная — организационная.

Генезис парадигмальной эволюции науки относится к концу XVII — первой половине XVIII века, когда был снят пресс теологии. Становление и развитие первой, механистической парадигмы шло медленными темпами. Ее высшим достижением стал марксизм. С конца XIX века эволюция резко ускоряется. На смену механистической парадигме приходит энергетическая, которая уступает место сначала информационной, а затем организационной. Обе последние получили четкое оформление в соответствующих общенаучных теориях — кибернетике и общей теории систем (ОТС).

Если организационная лишь вступает в стадию совершенствования, то три другие перешли к ней значительно раньше, что нашло свое выражение в их диверсификации, то есть формирования на основе каждой из них не одной, а нескольких общенаучных теорий.

Так, в частности, в зарубежной науке наряду с ортодоксальным марксизмом появились структурный, культурный и гуманистический марксизм, а также так называемая критическая теория. Само собой разумеется, что все эти неомарксистские теории формировались под достаточно сильным влиянием и других парадигм.

Методологическое влияние общенаучных теорий на исследования в предметных областях проявляются в различной степени. Как уже отмечалось выше, оно может быть сугубо формальным, а следовательно, минимальным, или, наоборот, значительным. Этот последний вариант реализуется только при наличии достаточно развитой частнонаучной теории. В свою очередь, она появляется тогда, когда накопление научных знаний в данной конкретной области достигает такого рубежа, который позволяет осуществить их теоретическое обобщение, то есть сформулировать целостную частнонаучную теорию. Однако происходит это отнюдь не автоматически.

Если в силу тех или иных причин создать частнонаучную теорию не удастся, то начинается процесс дивергенции, то есть дробление предметной области на сегменты, в каждом из которых начинается формирование своего рода субтеорий. Предметная область дробится на слабосвязанные между собой части и, как следствие, теряется общее представление о предмете исследования.

Такая негативная тенденция может быть блокирована только частнонаучной теорией. В этой связи нельзя не заметить, что выдающиеся мыслители прошлого осознавали данное обстоятельство достаточно хорошо. Например, Н.Г.Чернышевский писал: «Без истории предмета, нет его теории, но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах»¹. Хотя это было сказано полтора века тому назад, но не утратило своего значения и сегодня.

Формирование частнонаучных теорий может проходить на двух различных уровнях: внутридисциплинарном и междисциплинарном. В первом случае нет сколько-нибудь серьезных заимствований из других предметных областей и наоборот. Политология — продукт междисциплинарного синтеза. Его несомненным достоинством является возможность получения более полного, комплексного представления о предмете, но вместе с тем, он таит в себе опасность замедления формирования частнонаучной теории в силу своей гораздо большей сложности по сравнению с внутридисциплинарным.

Как частнонаучная теория политология занимает вполне определенное место в системе знаний о политике. В рамках известной трихотомии: всеобщее — особенное — единичное, она представляет «особенное», являясь своего рода мостом между «всеобщим» (политической философией) и «единичным» (политической историей). Успешно выполнять функцию такого рода «моста», то есть связывающего

---

¹ Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения. М., 1956. Т. I. С. 303.

звена между предельно абстрактным и предельно конкретным, уникальным, она может только при достаточной степени операциональности, которая, кроме того, позволяет ей обеспечивать решение конкретных аналитико-прогностических задач. В свою очередь, достижение необходимой степени операциональности требует преобразования ее в прикладную теорию. Задержка с таким преобразованием или отказ от него, что в силу ряда объективных и субъективных причин присуще отечественной политологической школе, неизбежно ведет к нивелировке ее отличия от политической философии со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

Преобразование политологии в прикладную частнонаучную теорию происходит в русле той научной революции, которую переживает сейчас обществоведение. Оно стимулируется, прежде всего, быстрым ростом наукоемкости политической практики. Последняя традиционно рассматривалась как чисто эмпирическое искусство, где роль науки в лучшем случае считалось номинальной. И действительно, влияние науки на нее было в основном косвенным, через образование.

Со второй половины XX века ситуация начинает кардинально меняться. Непрерывное усложнение политических реалий и, что не менее, а, скорее, более важно, резкое возрастание цены политической ошибки заставили политических практиков по-новому взглянуть на роль науки. Ставка на эмпирический политический анализ, пусть и проводимый профессионалами, стала все чаще давать серьезные сбои. Теперь в разработке ответственных политических решений зачастую принимает участие значительное число научно-исследовательских учреждений. Научное обоснование подобного рода решений постепенно становится правилом, а не исключением, как это было еще в недавнем прошлом. При этом, естественно, возрастает и значимость нормативного политического анализа. Соответственно, повышаются требования и к политологии в плане строгости и операциональности.

Вообще, операционализация теоретического знания детерминруется уровнем его строгости. «Божьими», то есть строгими, принято считать естественные науки. Общественные же науки квалифицируются как «неточные» (нестрогие). Подобного рода взгляд, сформулированный еще О.Коктом — основоположником позитивистской философии, имеет под собой достаточно серьезные основания. Критерием «точности» считается математизация. Нет, вероятно, особой необходимости доказывать, что до этого общественным наукам и, в частности, политологии достаточно далеко.

В этой связи нельзя не коснуться опыта американской политологической школы, где в течение нескольких десятилетий предпринимались неоднократные попытки «принудительной» математизации. Их авторы — представители естественных наук, пришедшие в политологию, затратили на это немало усилий, однако их результаты были весьма скромными. К середине 80-х годов эти попытки в основном

исчерпали себя¹. Они дали научно значимые результаты только в исследовании электоральных проблем, то есть там, где имеется большой и надежный количественный материал и где использование различного рода математических методик было заведомо обоснованным.

Означает ли это, что политология обречена быть наукой «неточной», а, следовательно, ограниченно операциональной. Думается, что это отнюдь не так. Дело в том, что строгость естественных наук объясняется не математизацией, как таковой. Она становится вообще возможной только при определенном состоянии понятийного аппарата. У естественных наук он представляет собой целостную систему операциональных понятий. В этом их принципиальное отличие от общественных.

Это характерно и для политологии, понятийный аппарат которой далеко еще не системологизирован. Сама по себе системологизация — научная задача не из легких, но ее решение осложняется еще и тем обстоятельством, что политические реалии по существу описываются на трех различных уровнях: понятийного аппарата политологии, профессионального лексикона и политико-публицистического жаргона. В чем-то они, конечно, пересекаются, но далеко не во всем.

Степень системологизации понятийного аппарата политологии пока еще остается недостаточной. Отсутствуют строгие дефиниции ряда ключевых понятий и их четкая декомпозиция. Не составляет исключения и такое основополагающее понятие как «политика». Нет особой необходимости доказывать, что без адекватного представления о его содержании трудно говорить о теоретической строгости.

II. Предмет политологии

Предметная область политологии очерчена на первый взгляд достаточно четко. Ее составляет политика, то есть точнее, политическая деятельность², однако содержание этого понятия в ряде его аспектов продолжает оставаться дискуссионным, а, следовательно, нуждается в уточнении. Можно выделить три основных дискуссионных аспекта.

Во-первых, это проблема генезиса политики как специфического вида специальной деятельности. Здесь налицо две альтернативные точки зрения. Сторонники первой связывают его с возникновением государства (государственный генезис), последователи второй относят его к родоплеменному обществу (догосударственный генезис). В наиболее последовательной форме эта вторая нашла свое выражение в так называемой политической антропологии.

¹ См.: Political science: The State of Discipline. W., 1983. [Ed. A.W.Finifter] С 1985 г. перестал выходить журнал «Political Metodology», специализировавшийся на математизации политических исследований.

² Слово «политика» нередко используется в предельно широком смысле, как любая целенаправленная деятельность. Например, «политика в области градостроительства» или даже «е (его) политика в семье». Такое его употребление к науке отношения не имеет.

Нельзя не видеть, однако, что при таком антропологическом подходе политика отождествляется с управлением (властвованием) в самом широком смысле слова. Между тем, момент управления присущ любой совместной деятельности не только людей, но и высших животных (в их стадах и стаях). Подобного рода отождествление нельзя считать научно-корректным, что и дает основание считать первую точку зрения правильной.

Во-вторых, это проблема содержания политики. Здесь как и в предыдущем случае существуют две противоположные точки зрения. Согласно первой, которая является наиболее распространенной, политика — это «борьба за власть», а в соответствии со второй — «борьба за власть и собственность». Несмотря на то, что первая является, бесспорно, преобладающей, именно вторая представляется более обоснованной.

Лапидарность вышеприведенных формул может вводить в заблуждение, так как речь идет о борьбе за тот или иной порядок распределения власти и собственности в государственно-организованном обществе. В нем именно государство через систему налогов, запретов и ограничений, экспроприаций и т.п. оформляет определенный порядок распределения собственности, который до этого стихийно возникает в ходе экономической деятельности¹. В этой связи весьма характерной представляется политическая борьба за доминирование государственной или частной собственности, которая красной нитью проходит через всю историю человеческой цивилизации.

Третий дискуссионный аспект касается вопроса субъектов политики (политических субъектов). Тут разброс более значителен, чем в двух предыдущих случаях. Тем не менее, весь спектр мнений находится в диапазоне, ограниченном двумя экстремальными концепциями: элитистской и ортодоксальной марксистской. Элитисты рассматривают в качестве субъектов политики только политических деятелей-лидеров, а ортодоксальные марксисты считают таковыми в основном большие социальные общности (прежде всего, классы). С известной долей условности первые могут быть квалифицированы как сторонники микрополитического, а вторые — макрополитического подхода. При первом роль личности гипертрофируется, а при втором — минимизируется.

Оба эти подхода характеризуются экстремальностью, а, следовательно, односторонностью, не говоря уже об их претензии на абсолютность («вне времени и пространства»). Более корректным представляется подход, предполагающий разнородность субъектов политики и вариативность их значимости в зависимости от страны и эпохи,

---

¹ Оформление в данном случае предполагает не столько некую процедуру, но и организующее начало, которое вносит достаточно серьезные изменения в стихийно возникший порядок распределения собственности. В экстремальном варианте — создание принципиально нового, что и было осуществлено в рамках социалистического эксперимента.

то есть не статический, а динамический. Исходя из идеи разнородности, можно выделить три категории субъектов политики: персональные (политические деятели-лидеры), институциональные (организации и их объединения) и социальные (большие социальные общности).

Рассмотрев дискуссионные аспекты, получаем возможность дать следующее операциональное определение политики. Политика — это социальная деятельность, осуществляемая большими социальными общностями, организациями и их объединениями, а также отдельными личностями-лидерами, и направленная на сохранение или изменение существующего в государственно-организованном обществе (мировом сообществе) порядка распределения власти и собственности. Декомпозиция данной дефиниции позволяет выделить в ней четыре смысловых блока (модуля).

Первый смысловой модуль: субъекты политики

Из трех ранее выделенных категорий субъектов политики две (институциональные и персональные субъекты) представляются достаточно очевидными даже на эмпирическом уровне, чего нельзя сказать по поводу третьей. Дело в том, что число больших социальных общностей велико, но из него необходимо выделить те, которым органически присуща политическая активность. Нет, вероятно, никакой необходимости доказывать, что таковыми могут быть только реальные (групповые), но никак не номинальные (статистические) общности.

В качестве критерия выделения из разряда реальных собственно политизированных общностей можно с полным основанием считать характер возникающих между ними конфликтов и, в частности, их перерастание в массовое вооруженное насилие. Как свидетельствует опыт истории, таковыми являются только три типа социальных общностей: этнические, конфессиональные и классовые. Только конфликты между ними перерастают в односторонний или обоюдный геноцид, достигавший иногда гигантских масштабов.

В отечественной науке было принято, да и то, как правило, весьма осторожно, выделять лишь два варианта геноцида: этнический и конфессиональный, но замалчивать третий — классовый, хотя уже Великая французская буржуазная революция продемонстрировала его весьма наглядно (якобинский террор). В этой связи нельзя не отметить, что в России именно этот третий вариант имеет давнюю традицию, начиная с восстаний С.Разина и Е.Пугачева и кончая гражданской войной. Из трех вариантов геноцида наиболее бесчеловечным является, бесспорно, этнический, ибо он характеризуется поголовным уничтожением всех членов данной общности, включая детей.

Каждый человек от рождения оказывается включенным в эти три общности, но значимость этой принадлежности для него непосредственно детерминируется уровнем развития соответствующего общества. В зависимости от того, принадлежность к какой из этих трех общностей является доминантной, такой оказывается и социально-политическая ориентация населения данной страны. Если под этим углом зрения посмотреть на историю цивилизации, то нетрудно

заметить последовательную смену социально-политической ориентации: от этнической к конфессиональной (после становления мировых религий) и затем классовой¹.

Это лишь общая, магистральная тенденция, которая далеко не во всех странах и даже регионах полностью реализовалась. Как следствие, современный мир являет собой пеструю картину параллельного существования всех трех вариантов такой ориентации и их переходных форм. Кроме того, и это представляется достаточно важным, доминанта той или иной социально-политической ориентации может быть ригидной или эластичной. В первом случае она в известном смысле абсолютна. Классическим примером этого является Черная Африка, где этническая ориентация благополучно пережила колониальную эру.

Во втором случае такого рода доминанта относительна, и, соответственно, одна ориентация может быть сменена на первой позиции другой, хотя, как правило, временно и под влиянием внешних обстоятельств (важно иметь в виду, что история знает примеры и сознательной смены, осуществленной государственной властью). Наиболее эффективной и эффективной в этом отношении можно считать смену социально-политической ориентации германского общества, осуществленную Гитлером (от классовой к этнической ориентации). Это был гигантский и молниеносный рывок назад, ставший возможным в силу особых обстоятельств. При всей своей исторической значимости, он, видимо, все же уникален, так как сознательная смена социально-политической ориентации — дело предельно сложное.

В этой связи нельзя не коснуться социалистического эксперимента, в рамках которого на доктринальном уровне ставилась, а в СССР и решалась задача ликвидации всех трех социальных общностей. Религия подлежала полной ликвидации, этносы преобразованию в единый советский народ, а классы уничтожению путем пролетаризации (бесклассовое общество). Утопичность этой задачи во всех трех ее аспектах была более чем наглядно доказана практикой.

Политическая активность реальных социальных общностей выражается в двух основных формах: спонтанной и регулярной. Первая представляет собой, как правило, непосредственную реакцию на действия других социальных общностей и/или государственной власти. Она по своему существу стихийна и в подавляющем большинстве случаев деструктивна. Регулярная же политическая активность требует определенного уровня политической организованности, а, следовательно, и руководства. Эту последнюю функцию выполняют институциональные и персональные субъекты политики. От них во многом

---

¹ Более точно, социально-классовая, так как речь идет не только о классах и их слоях, но и о внеклассовых слоях. В частности, в современной электоральной борьбе, причем не только в России, но и в целом ряде других стран, активную роль играют пенсионеры. Поскольку предполагается дальнейшее увеличение их доли в самодеятельном населении, то в будущем она еще более возрастет.

зависит мобилизация соответствующей социальной общности для решения конкретных политических задач.

Говоря о взаимоотношениях социальных субъектов политики с институциональными и персональными, можно выделить два их варианта. Первый — инициативный, когда социальная общность автономно или в коалиции с другими создает институционального и персонального субъектов. Последний отнюдь не всегда является выходцем из ее собственной среды. Второй — адаптивный, когда она выбирает на роль своего руководителя и выразителя своих интересов одного из уже существующих институциональных и персональных субъектов.

При втором варианте выбор носит не односторонний, а обоюдный характер, так как институциональный и персональный субъект должен решать, желательна ли для него эта роль или нет. Решение это отнюдь не простое, поскольку, с одной стороны, чем больше число социальных общностей рассматривают его в качестве выразителя своих интересов, тем шире его социальная база, а, следовательно, в принципе больше вероятность его победы над конкурентами в политической борьбе, однако, с другой, чем шире социальная база, тем сложнее согласовывать противоречивые интересы различных социальных общностей. Если же этого сделать не удастся, то широкая социальная база может оказаться ненадежной, то есть имеющей тенденцию к резкому сокращению в самые ответственные моменты политической борьбы.

Таким образом, перед каждым институциональным и персональным субъектом политики всегда стоит проблема оптимизации своей социальной базы. Чем успешнее он ее решает, тем вероятнее и долговременнее его успехи. Однако существует и прямо альтернативный способ действий, рассчитанный на конъюнктурный успех, который получил название политической популизм. В его основе лежит идея максимального расширения социальной базы в некоторый момент времени, чтобы обеспечить захват государственной власти. При этом демонстрируется стремление удовлетворить интересы всех социальных общностей, хотя в принципе это невозможно. Расчет, как правило, строится на забывчивости массы, низком уровне ее политической культуры, ограниченности ее информационных и аналитических возможностей и т.п. Политический популизм по своей природе авантюрен, но при определенных условиях может оказываться достаточно эффективным¹.

Непосредственно к популизму примыкает такой специфический феномен как политиканство, который присущ только персональным

---

¹ Необходимо в этой связи четко разграничивать искусственный и естественный популизм. Первый характеризуется тем, что прибегающие к нему персональные и институциональные субъекты политики заранее твердо уверены в том, что их обещания невыполнимы. При втором дело обстоит гораздо сложнее, так как у них может существовать убеждение в их выполнимости в отдаленном будущем. Политический фанатик — это популист, но естественный. Большевики и современные исламисты относятся именно к этой категории.

субъектам политики. Он представляет собой инструментальное использование политической деятельности для личного обогащения и/или удовлетворения личных гедонистских устремлений, не исключая и патологии. Соответственно, политикан это не только, как правило, популист, но, что гораздо важнее, псевдополитический деятельно¹.

Второй смысловой модуль: политика как социальная деятельность

Будучи одним из видов социальной деятельности, политика, вместе с тем, существенно отличается от других ее видов. Данное отличие обусловлено спецификой той функции, которую выполняет политика в структуре социальной деятельности. Сама эта структура может быть представлена следующим образом.

Таблица 1

Характер	I — Матери- альная (m - e)	II — Информа- ционная (I)	III — Организа- ционная (O)	Внутрипо- литический курс
Направленность				
A. Функционирование	Экономиче- ская	Культурная	Политиче- ская	Модерни- зационный
B. Развитие		Научная		Охрани- тельный
C. Стабильность	Правоохра- нительная	Идеологи- ческая		
D. Устойчивость	Военная			

Содержание данной таблицы нуждается, бесспорно, в некоторых пояснениях. Из двух групп критериев, использованных при ее пояснении, одна, а именно, «Характер деятельности» представляется достаточно очевидной в силу вышесказанного (формула: $m \rightarrow e \rightarrow I \rightarrow O$). Что касается второй группы, то тут без развернутых пояснений нельзя обойтись.

По своей природе социальная деятельность призвана удовлетворять определенные потребности общества, что и предопределяет ее «направленность». В самом общем виде социальные потребности могут быть подразделены на те, которые обеспечивают самосохранение общества (его стабильность и устойчивость), и на те, которые обеспечивают эволюцию (функционирование и развитие)².

Понятия «Стабильность» и «Устойчивость» нуждаются в уточнении. Под «стабильностью» принято понимать способность социальной

¹ В России наиболее наглядный пример подобного рода являет собой Жириновский В.В.

² Функционирование понимается здесь как процесс постоянных обратимых изменений, а развитие — необратимых, которые могут быть как конструктивными, так и деструктивными.

системы подавлять возникающие внутри нее деструктивные воздействия, то есть антиобщественную (криминальную) и антигосударственную деятельность¹. Под «устойчивостью» — ее способность преодолевать внешние деструктивные воздействия, то есть противостоять внешним угрозам. В переводе на профессиональный политический лексикон это означает обеспечение безопасности. Если применительно к правоохранительной и военной деятельности данная их направленность в доказательствах не нуждается, то в отношении идеологии дело обстоит несколько сложнее.

В принципе идеологическая деятельность (как в светской, так и в религиозной форме) направлена на формирование и сохранение в общественном сознании определенного эпоса, то есть системы ценностей и норм поведения. До тех пор, пока данный эпос является господствующим, общественное сознание легко блокирует любые деструктивные информационные воздействия. Более того, такое общество противостоит как единое целое внешней военной угрозе.

Даже частичная дискредитация эпоса, носителем которого является господствующая идеология, порождает в общественном сознании сомнения в отношении существующего правопорядка, а следовательно, в существующем политическом и государственном строе. Как результат, при идеологической дезинтеграции общества обычно резко падает эффективность правоохранительной и военной деятельности. Вместе с тем, как свидетельствует опыт истории, эффективная правоохранительная и военная деятельность (успешные внешние войны) может способствовать укреплению положения господствующей идеологии, но лишь на некоторое время. Есть все основания полагать, что начавшийся и набравший темп процесс дискредитации идеологии силой остановить нельзя. Иначе говоря, соотношение «борьбы идей» и «борьбы людей» в конечном счете оказывается в пользу первой.

Таким образом, роль идеологической деятельности в деле обеспечения безопасности достаточно велика. Она обладает определенными компенсаторными возможностями по отношению к двум другим видам. В целом же, в рамках подструктуры, образуемой тремя этими видами социальной деятельности, налицо позитивная корреляция между ними, то есть эффективность одного повышает эффективность двух других и наоборот.

Вторую подструктуру образуют три других вида социальной деятельности: экономическая, культурная и научная. Все они обеспечивают эволюцию общества, то есть стимулируют изменчивость, в то время как виды деятельности, входящие в подструктуру безопасности, ориентированы на обеспечение неизменности. Таким образом, эти подструктуры обладают в известном смысле альтернативной направлен-

---

¹ В строгом смысле слова антигосударственная деятельность направлена на ликвидацию определенного государства как такового, однако к ней, как правило, относят и политическую деятельность, целью которой является смена политического режима.

ностью. Они, вместе с тем, образуют диалектическое противоречие, то есть не только альтернативны, но и взаимодополнительны в рамках структуры социальной деятельности в целом. И действительно, не обеспечив стабильность и устойчивость, нельзя рассчитывать на успешное развитие, но и отставание в развитии неизбежно ведет к потере устойчивости, а затем и стабильности.

Все виды социальной деятельности, входящие в вышеуказанные подструктуры, характеризуются монофункциональностью или бифункциональностью, то есть однонаправленностью или дуалистичной направленностью. Политическая же деятельность в отличие от них универсальна, то есть полифункциональна. И в этом своем качестве она призвана обеспечить оптимальное сочетание всех других видов социальной деятельности, чтобы удовлетворить соответствующие социальные потребности. Поскольку они не только различны, но и противоречивы, то поиск оптимума — задача весьма сложная.

Решение же этой задачи требует мобилизации необходимых ресурсов, возможность которой в основном детерминирована существующим в данном обществе порядком распределения власти и собственности (социальным порядком). Эти ресурсы подлежат использованию для обеспечения различных видов социальной деятельности. Ввиду того, что их в подавляющем большинстве случаев недостаточно, то есть имеет место ресурсный дефицит, то естественно встает проблема поиска баланса. Он всегда в большей или меньшей степени асимметричен, что предполагает выделение одной из двух вышеуказанных подструктур в качестве приоритетной. Кроме того, и в рамках каждой из них выделяется приоритетный вид деятельности.

В зависимости от того, какая из двух подструктур выступает в качестве приоритетной, таков и внутриполитический курс. Если предпочтение отдается потребностям эволюции, он модернизационный, а если потребностям безопасности, то охранительный. Что касается внешнеполитического курса, то он формируется не только под влиянием внутренних потребностей общества, но под воздействием состояния международной среды¹.

Говоря о соотношении модернизационного и охранительного внутриполитического курсов, следует сразу же подчеркнуть, что первый обеспечивает расширенное воспроизводство ресурсов, второй же лишь их потребление. Здесь необходимо сделать оговорку в отношении военной деятельности. Дело в том, что она при ее осуществлении на чужой территории всегда в большей или меньшей степени сопровождается присвоением имеющихся там ресурсов. Иначе говоря, она может в случае успеха в какой-то степени компенсировать их расход. Для многих войн прошлого был справедлив тезис: «война должна питать войну». История знает немало примеров достаточно

---

¹ Проблема соотношения внутриполитического и внешнеполитического курсов требует специального рассмотрения и относится к теории международных отношений.

длительного существования военно-паразитарных государств. Однако по мере развития военной техники эта компенсаторная возможность военной деятельности ушла в прошлое. Сейчас она предельно затратна.

Хотя переход к охранительному курсу необходим в случае серьезной военной угрозы, однако, длительное следование ему таит в себе опасность милитаризации политики, что означает установление абсолютного приоритета военной деятельности, это означает прежде всего ее максимальное ресурсное обеспечение в ущерб эволюционным видам. Такой дисбаланс неизбежно ведет к самым серьезным негативным последствиям для общества, что наглядно продемонстрировал пример СССР¹.

Третий смысловой модуль: порядок распределения власти и собственности

В самом общем виде порядок распределения власти и собственности или, иначе говоря, социальный порядок находит свое выражение в делении людей на руководителей (властвующих) и исполнителей (подвластных), на богатых и бедных. Он в принципе неэгалитарен и его генезис восходит к заключительным стадиям биологической эволюции, когда в стадах и стаях высших животных возникает статусная (властная) ранжировка особей.

Это был тот адаптационный механизм, который обеспечивал стабильность структуры стаи или стада, а, с другой стороны, он позволял добиться высокой эффективности коллективных действий. Таким образом, заметно повышались возможности самосохранения. Нет оснований сомневаться, что такого рода ранжировка была присуща и стадам первобытных людей.

В животном мире она базируется на так называемом «праве сильного», но развитие интеллекта первобытного человека, а, следовательно, его социализация исключала возможность его сохранения в качестве доминантного. Ему на смену приходил генеалогический принцип, базирующийся на представлении о кровном родстве. Его утверждение сопровождалось возникновением рода, племени и племенных объединений (групп родственных племен).

Ослабление значимости «права сильного» в рамках рода и племени отнюдь не сопровождалось таковым на уровне межплеменных (неродственных) взаимодействий. Скорее, наоборот, постоянные военные конфликты неродственных племен становились все более ожесточенными. Видимо, к этому же времени относится и окончательное оформление коллективной собственности племени на определенную территорию.

---

¹ Есть все основания полагать, что именно милитаризм сыграл решающую роль в провале всех попыток реформировать советское общество. Не случайно, руководство КНР, учтя советский опыт, самым решительным образом блокировало его развитие, что обычно остается за кадром при анализе особенностей китайских реформ.

Статусная ранжировка в роде базировалась на принципе генеалогического старшинства, причем применительно не только к отдельным индивидам, но и к семьям. Это вело, с одной стороны, к геронтократии, а, с другой, к делению семей, которое постепенно становилось наследственным, на старших и младших. Такое наследственное закрепление дифференциации в ряде случаев стимулировало возникновение патронажно-клиентельных отношений, когда власть старших и их потомков над младшими и их потомками рассматривалась как нечто естественное, то есть как некое продолжение власти родителей над детьми. Так формировалась родовая аристократия.

Что касается племени, то там дело обстояло несколько по-иному, хотя и существовала ранжировка родов, причем нередко достаточно строгая, но, тем не менее, общим правилом была их борьба за первенство. В ней решающую роль играло появление лидеров-харизматиков. В данном случае термин «харизма» используется в более широком значении, чем это обычно принято, то есть как наличие у индивида неординарных способностей (таланта).

Поскольку талант — это врожденное качество, причем достаточно редкое, то его наличие не могло восприниматься иначе, как особая благосклонность со стороны неких высших сил. С развитием религии он превратился в «божий дар», что соответствует первоначальному значению термина «харизма». Соответственно, в глазах окружающих харизматик становился «богоизбранным» и тем самым возвышался над ними. Его претензия на власть была легитимной, ибо была «властью от бога».

В условиях господства генеалогических представлений прямые потомки выдающихся харизматиков воспринимались также как «богоизбранные», то есть формировалась то, что можно квалифицировать как представление о наследственной харизме, причем не только окружающих, но и самих этих потомков. Чем более выдающимся был харизматик, тем более легитимной выглядела претензия его потомков на власть. Возникала династия, которая теряла свой статус только в случае вырождения.

Первоначально произошло выделение двух категорий лидеров-харизматиков: военных вождей-военачальников и духовных вождей (колдунов, шаманов и т.п.). Последние, видимо, в той или иной степени обладали экстрасенсорными способностями. В сущности, это означало разделение верховной власти в племени на светскую (по преимуществу военную) и духовную, борьба между которыми за верховенство с этого времени продолжалась на протяжении всей истории цивилизации. Есть основания полагать, что она еще окончательно не завершилась и сейчас.

Военачальники в этой борьбе обладали заведомым преимуществом, так как в условиях непрерывных военных столкновений именно от них в немалой степени зависело сохранение и процветание племени. Постепенно присваивая себе административную и, что особенно важно, судебную власть, они превратились в полновластных вождей

племен. Хотя по своей природе они являлись выразителями альтернативного генеалогическому харизматического принципа распределения, они всегда и везде стремились сделать свой властный статус наследственным. В большинстве случаев им это удавалось.

Вождь племени и его род находились на самой вершине статусной иерархии племени, то есть составляли собственно племенную аристократию, которая, будучи через брачность тесно связана с родовой, составляла вместе с этой последний высший статусный слой — родоплеменную аристократию. Стремясь легитимизировать свой привилегированный статус, она присваивает себе звание «лучших», «благородных», «больших» и т.п. Тем самым она как бы возвышается над остальными, то есть простонародием, которое может быть только подвластным и обязано быть таковым¹.

Таким образом, произошла первичная собственно социальная (половозрастная, естественно, была всегда) дифференциация членов племени. Видимо, в это же время наряду с аристократией и простонародием стал формироваться статусный слой рабов. Эта первичная дифференциация при переходе от родоплеменного к государственно-организованному обществу трансформировалась во многих случаях в сословно-кастовую.

Насильственное или добровольное объединение нескольких племен под властью одного вождя вело к появлению протогосударства, что порождало тенденцию возвышения его и его рода над всей родоплеменной аристократией. Его род обособлялся от нее, превращаясь в правящую династию, которая уже представляла собой клан. В отличие от рода, являющегося подразделением племени, клан — совершенно автономная единица, полностью самодостаточная. Легитимизация власти правящей династии, как правило, была связана с ее сакрализацией, которая имела место зачастую уже и в рамках племени.

Параллельно с укреплением власти правящих династий шло формирование аристократических кланов более низкого порядка и, в основном, за счет высшего чиновничества (вельмож). Оно же само было продуктом развития государственного аппарата, который непрерывно рос по мере преобразования протогосударства в государство. С государственным аппаратом появился третий принцип распределения — бюрократический. В соответствии с ним власть и богатство есть атрибуты положения индивида в организационной иерархии.

Таким образом, возникли три основополагающих принципа распределения власти и собственности. Их комбинация образует в известном смысле фундаментальный уровень социального порядка. Они альтернативны, но в то же время взаимодополнительны. В докапиталистическом обществе их комбинация характеризовалась достаточно высокой степенью вариативности в зависимости от времени и стра-

¹ Симптоматично, что аристократия претендовала на определенные псевдо-биологические отличия от простонародья («голубая кровь» и т.п.), которые были призваны подкрепить ее исключительное право на власть.

ны¹. Капитализм снимает эту вариативность, унифицируя социальный порядок в различных странах.

В докапиталистическом обществе действовала общая закономерность: «богатство через власть», то есть субпорядок распределения власти доминировал над субпорядком распределения собственности. Автономность последнего была весьма условной, а в лучшем случае — ограниченной. Только с развитием капитализма его автономность стала реальностью и, как следствие, на смену прежней пришла новая общая закономерность: «власть через богатство». Однако прежняя закономерность была лишь оттеснена с доминирующей позиции, но сохранилась. И сейчас остается вполне актуальной старинная русская пословица: «Не всяк имущий — власть имущий, но всяк власти имущий — имущий».

Утверждение этой новой общей закономерности было естественным результатом завершения процесса автономизации субпорядка распределения собственности. Сам по себе данный процесс начался на стадии перехода от родоплеменного к государственно-организованному обществу, но на протяжении всей докапиталистической истории он был весьма медленным, характеризовался дискретностью и серьезными попятными движениями. Не случайно, только в нескольких западноевропейских странах он достиг такой степени развития, которая обеспечила возможность победы новой общей закономерности, следствием которой стало радикальное изменение фундаментальных основ социального порядка.

Это произошло в ходе буржуазных революций, когда оформилась капиталистическая комбинация основополагающих принципов распределения, где ранее полностью доминирующий генеалогический принцип был заменен харизматическим. В рамках субпорядка распределения власти генеалогический принцип вообще почти потерял свое значение, а в субпорядке распределения собственности его роль заметно ослабла. Свое конкретное выражение данное изменение нашло, с одной стороны, в установлении демократии, а, с другой, в свободном предпринимательстве, возможности которого в докапиталистическом обществе были весьма ограничены. Оно подавлялось мощным налоговым прессом, системой разного рода запретов и ограничений, постоянными экспроприациями и т.п.

В этой связи нельзя не затронуть проблематику революции как быстрого и радикального изменения фундаментального уровня социального порядка. В этом смысле докапиталистическое общество революций не знало, хотя, конечно, и там имели место иногда достаточно серьезные изменения. Более того, видимо, революции присущи определенному историческому отрезку — времени перехода от докапиталистического к капиталистическому обществу. К нему же относится и такой экстремальный вариант, каким является социалистическая революция.

---

¹ Тут следует отметить, с одной стороны, достаточно подробно исследованные различия между Востоком и Западом, а в рамках последнего — между аграрными обществами и торгово-ремесленными (приморские города-государства).

Нельзя не видеть, что социалистические революции генетически самым тесным образом связаны с буржуазными. Характерная для них эгалитарная тенденция присутствовала во всех буржуазных революциях, но не получила там полного развития, хотя правовое равенство было установлено. Иначе говоря, сохранился неэгалитарный социальный порядок. Социалистические революции ставили своей задачей установление эгалитарного социального порядка почти в абсолютном смысле.

Симптоматично, что в ортодоксальном марксизме, под знаменем которого проходили все социалистические революции, эталоном эгалитарности считалось родоплеменное общество («первобытный коммунизм»). Предполагалось осуществить «отмирание государства». На деле произошло не «отмирание», а наоборот, невиданная «гипертрофия» государственности. Соответственно, оформившаяся на фундаментальном уровне комбинация принципов характеризовалась доминантой бюрократического. Как неизбежное следствие сформировалась достаточно сложная система статусной дифференциации, которая в каких-то своих аспектах стала напоминать сословную¹.

Вместе с тем, нельзя не видеть, что и буржуазные, и социалистические революции в сущности решали одну и ту же задачу — обеспечение трансформации аграрной экономики в индустриальную. Однако, если первые представляли собой финальную стадию достаточно длительного процесса социально-экономической эволюции, то последние происходили в его начальной фазе и в этом смысле играли роль его стимулятора. Как только эта роль была ими в основном сыграна, так сохранение социалистического социального порядка с органически присущим ему доминированием бюрократического и подавлением харизматического принципа распределения стало серьезнейшим препятствием на пути дальнейшей социально-экономической эволюции. Его сохранение вело к стагнации.

Четвертый смысловой модуль: государственно-организованное общество или мировое сообщество

Наличие определенного социального порядка в государственно-организованном обществе достаточно очевидно и каких-либо сомнений вызвать не может. Что касается мирового сообщества, то характерные для всей его истории войны дают основание сомневаться в его наличии и даже утверждать, что ему органически присуща политическая анархия. Основанием для такого утверждения служит от-

¹ Это дало основание некоторым отечественным и зарубежным ученым рассматривать советское общество как сословное (обзор их взглядов см: Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995), однако сторонники данной точки зрения не делают различия между сословием и статусным слоем, а это — две разные вещи. Например, офицерство — статусный слой, но никак не сословие, так как принадлежность к нему не является ни наследственной, ни пожизненной.

существование в нем высшей, государственной власти. Однако этот тезис не следует возводить в абсолют.

Дело в том, что в мировом сообществе с самого начала возникла и сохраняется до сих пор четкая и, как правило, относительно стабильная статусная ранжировка на государственном уровне: великие державы, крупные, средние и малые страны. Каждая великая держава обладает так называемой «зоной влияния», в которую входит некоторое число малых и средних государств. Их зависимость от нее, то есть в какой-то степени подвластность, хоть и различна, но в принципе достаточно значима. Она может быть оформлена де-юре (соответствующие договоры или соглашения) или существовать де-факто. «Зона влияния» есть не что иное, как форма существования специфических патронажно-клиентельных отношений¹.

В отличие от государственно-организованного общества мировое сообщество представляет собой децентрализованную социальную систему, и в этом своем качестве оно схоже с феодальной государственностью, но при отсутствии номинальной высшей власти. Субпорядок распределения власти в этой системе характеризовался и продолжает характеризоваться доминантой харизматического принципа («силовая харизма»), хотя в ней действует и генеалогический принцип. В этом плане весьма показательным примером является признание России правопреемницей СССР.

В субпорядке распределения собственности сочетание основополагающих принципов несколько иное, то есть доминирует генеалогический принцип, но в результате войн он может оттесняться харизматическим, но не обязательно. Государство обладает традиционным правом собственности на определенную территорию и проживающее на ней население (граждан). В последнее время право собственности на территорию (территориальный суверенитет) распространилось на значительное водное и воздушное пространство. Особое значение в современном мире имеет вытекающее из территориального суверенитета право собственности на природные ресурсы. Оно уже привело к появлению государств-рантье, где сформировалось своеобразное «потребительское общество».

Если сфера территориального суверенитета непрерывно расширялась, то по-иному эволюционировала проблема гражданства. Ранее отдельный человек был, в сущности, «рабом» государства (подданным). Власть государства над каждой отдельной личностью была близка к абсолютной. Замена подданства гражданством означала кардинальное изменение положения, однако, перестав быть «рабом», он, тем не менее, остается подвластным (налоги, воинская повинность,

---

¹ Само собой разумеется, что отнюдь не все и, в частности, крупные страны оказываются в такой «зоне влияния» (точнее, конечно, зоне власти), но это не меняет общего положения в целом. После холодной войны «зона влияния» США охватила большую часть мира. США превращаются в подлинно глобального патрона.

подсудность и т.п.). Его право на смену гражданства мало что меняет по существу, ибо означает замену одного властвующего субъекта другим. Человек же, не имеющий гражданства, есть политическое, а зачастую и социальное ничто.

Симптоматично, что идея суверенитета государства была с самого начала строго оформлена и ее легитимность до недавнего времени никак не оспаривалась. Многочисленные войны вели лишь к перераспределению собственности, но не более того.

Таким образом, социальный порядок в государственно-организованном обществе и в мировом сообществе имеют общую фундаментальную основу, однако присущая каждому из них специфика и, прежде всего, в субпорядке распределения власти привела к подразделению политологии на две субдисциплины: теорию международных отношений и так называемую сравнительную политологию (теорию внутренней политики). Именно этой последней и будет далее уделено основное внимание¹.

III. Метод политологии

Формирование достаточно полного и научно-корректного представления об исследовательском методе политологии требует прежде всего уточнения самого этого понятия, а также связанных с ним понятий: «методика» и «методология». Под методом принято понимать некий образ действий. Декомпозиция же понятия «образ действий» дает таксономический ряд: метод — способ — прием. В его рамках «метод» есть высшая таксономическая единица. В этом своем качестве он обладает определенной степенью общности, а следовательно, универсальностью.

В качестве образа действий метод, как и две другие составляющие вышеуказанного таксономического ряда, актуализуются только в процессе деятельности. В данном случае это — научно-исследовательская деятельность, которая представляет собой производство некой новой информации (нового знания) путем изучения определенной исходной. Последняя является тем «сырьем», из которого производится новое знание. Однако прежде чем приступить к производству, необходимо решить вопрос, что и из какого сырья производится? В научном исследовании это означает определение объекта (предмета) и цели исследования, то есть формулирование его замысла. Это — исходная стадия всякого исследования, за которой следует стадия получения исходной информации, а затем — стадия ее изучения.

Формулирование замысла далеко не всегда является прерогативой исследователя (заказное исследование), чего нельзя сказать о

---

¹ Термин «сравнительная» пришел в отечественную науку из американской, где он был обусловлен сопоставлением американских политических реалий, которые брались за эталон, с реалиями других стран. Таким образом, сравнению подвергалась только внутренняя политика с целью выявления общих закономерностей, а это и есть задача теории внутренней политики.

получении, а тем более изучении исходной информации. Вместе с тем, очевидно, что получение и изучение — вещи принципиально различные и, соответственно, различны и применяемые при этом методы. Таким образом, налицо два класса методов: методы получения и методы изучения информации. Именно последние можно считать исследовательскими в строгом смысле слова.

Определение объекта (предмета) исследования позволяет начать сбор информации о нем (исходной информации), которая может быть первичной или вторичной. Первая представляет собой совокупность фактов, упорядоченную чисто внешне, пространственно-хронологически. Ее описание квалифицируется как фактографическое. К категории вторичного относится информация, уже подвергшаяся изучению и, как следствие, обладающая логической упорядоченностью. Она может быть фактологической, аналитической, прогностической и операциональной, то есть содержащей рекомендации практического или научного характера.

Различие первичной и вторичной информации предопределяет подразделение методов получения на первичные (наблюдение и эксперимент) и вторичные (опрос и ознакомление с текстами). Как те, так и другие являются общенаучными, но каждая научная дисциплина «выбирает» для себя наиболее эффективные и тем самым формирует свой частнонаучный метод. Если он тождественен одному из общенаучных, то его можно квалифицировать как унитарный. В противном случае он является комбинированным, где один из общенаучных методов, как правило, играет роль основного, а другие выступают как вспомогательные.

Эволюция политологии достаточно наглядно демонстрирует процесс перехода от унитарного (ознакомление с текстами) к комбинированному методу получения информации, что непосредственно было связано с совершенствованием метода опроса (появление политической экспертизы), с одной стороны, и развитием телевидения (возможность использования метода наблюдения), с другой. Нельзя, однако, не признать, что оба эти метода продолжают оставаться вспомогательными.

Эволюционируют, естественно, не только частнонаучные, но и общенаучные методы получения информации. Тут также серьезную роль играет развитие техники, но не меньшую и совершенствование тех способов и приемов, которые присущи каждому методу и через которые он только и может быть реализован. Их описание принято называть методикой. Таким образом, методика есть описание определенного способа или приема, включающая процедуру его использования.

После получения исходной информации начинается исследовательский процесс в строгом смысле слова, то есть ее изучение. Зачастую его называют информационно-аналитической работой, поскольку имеется в виду анализ содержания информации. Она ведется с помощью двух видов интеллектуальных способностей, которыми человек

наделен от природы, — логики и интуиции. Соответственно, любой исследовательский метод представляет собой их сочетание в той или иной пропорции. Поскольку наука есть сфера применения логики, то в научном исследовательском методе она всегда преобладает, хотя степень такого преобладания различна. Исходя из этого, можно выделить три общенаучных исследовательских метода: логико-интуитивный, моделирования и исчисления.

Традиционный логико-интуитивный метод — преобладание логики при сохранении немалого значения интуиции. Метод моделирования — полное преобладание логики при минимизации значения интуиции. Метод исчислений — полное преобладание символической (математической логики) при минимизации других видов логики и интуиции. Под минимизацией в данном случае имеется в виду тенденция к окончательному устранению, однако ее реализация, видимо, станет возможной на уровне компьютера, но не человека. Дело в том, что интуиция органически присуща ему и исключить ее из процесса мышления он ни при каких обстоятельствах не в состоянии, ибо она есть проявление подсознания.

Логико-интуитивный метод — это непосредственное изучение исследуемого предмета или объекта на основе индивидуальных творческих способностей. Его применение есть сугубо персональное искусство. Создание научных коллективов в этом плане ничего не меняет по существу. Если логику можно понять и повторить, по крайней мере, в принципе, то интуицию — нет.

Метод моделирования предполагает опосредованное изучение исследуемого предмета или объекта с помощью модели — четко фиксированной строгой логической конструкции, выход за пределы которой исключен. Ее наличие дает возможность проведения коллективного научного исследования. Резко ограничивая использование интуиции, он в то же время повышает роль высокоразвитых логических способностей. Если с этой точки зрения посмотреть на различие точных и неточных наук, то нельзя не заметить, что понятийный аппарат первых представляет собой модель, а следовательно, поддается формализации (уточнению с помощью формальной логики) и квантификации, а у вторых он таковой не является, ибо не обладает должной логической строгостью (слабоструктурирован). Именно эта принципиальная особенность первых позволяет им использовать метод исчислений и резко ограничивает или даже исключает его использование вторыми.

Научно-исследовательская деятельность есть в известном смысле информационное производство и, если прибегнуть к аналогии, то логико-интуитивный метод ассоциируется с ремеслом, которое, поднимаясь до уровня искусства, создает шедевры, но в массе своей обеспечивает среднее качество. Два других метода ассоциируются с технологичным производством, где основная масса производимой продукции достаточно высококачественная, но создание шедевров в принципе не предусмотрено. Вопрос о том, насколько внедрение

машинных (компьютерных) технологий изменит ситуацию, пока остается открытым. Очевидно лишь то, что без соответствующей перестройки понятийного аппарата неточных наук серьезные успехи вряд ли возможны.

Соотношение вышеуказанных общенаучных исследовательских методов с частнонаучными аналогично тому, о котором шла речь при рассмотрении методов получения информации. И здесь частнонаучные методы могут быть унитарными или комплексными. Что касается политологии, то ее исследовательский метод проделал ту же эволюцию, что и метод получения информации, то есть превратился из унитарного в комплексный. Бывший унитарный (логико-интуитивный метод), хотя и остался основным, но не является единственным в этом качестве. Постепенно, но неуклонно усиливались позиции метода моделирования, который все больше претендует на роль основного. В этой связи, хотя и со значительной долей условности, можно говорить о дуалистичности исследовательского метода политологии.

Исследовательский метод «работает» на стадии изучения, которая включает три этапа: отбор, обработка и осмысление полученной информации. Под систематизацией в данном случае имеется в виду упорядочение исходной информации с целью выделения релевантной, то есть относящейся к исследуемому объекту, и отбраковки нерелевантной. Необходимость в этом, как правило, имеет место, так как несмотря на знание замысла, в процессе получения информации ее релевантность определяется лишь в первом приближении.

В ходе фильтрации релевантная информация подразделяется на необходимую и избыточную. К этой последней относятся повторная фактология, различного рода компиляции и т.п. Избыточная информация исключается из процесса исследования, а верификации подвергается только необходимая. Ее целью является отбраковка ложной и проверка сомнительной информации.

В настоящее время на первых двух фазах бесспорно преобладает метод моделирования, так как систематизация и фильтрация осуществляются с помощью соответствующих компьютерных программ. Степень же участия в них исследователя, а, следовательно, и применения логико-интуитивного метода непосредственно зависит от совершенства этих программ.

Прямо противоположную картину являет собой фаза верификации, где компьютерная технология практически отсутствует. Преобладает такой элементарный способ как сравнение. Хотя спектр его вариантов достаточно широк, но доминируют простейшие, которые не выходят за рамки логико-интуитивного метода. Это дает основание полагать, что они остаются эффективными.

Следующий этап изучения — обработка прошедшей отбор исходной информации — существенно отличается от предшествующего, ибо в нем нет априорного деления на фазы. Их число зависит от количества используемых информационных методик. В самом общем виде их типология выглядит следующим образом.

Таблица 2

Содержание информации	I — Агрегативное	II — Экстрагативное
Форма информации		
А. — Логико-лингвистические	Конспектирование Редактирование Аннотирование	Контент-анализ
В. — Логико-графические (логографические)	Матрицы, когнитивное картирование	Ивент-анализ
С. — Математические	Шкалирование	Статистические методики

В процессе обработки подвергается преобразованию как форма, так и содержание исходной информации: преобразование формы осуществляется путем формализации или квантификации. В первом случае вербальная форма трансформируется в графическую, а во втором — в математическую, числовую. Соответственно, если начальная, вербальная форма сохраняется, то методика — логико-лингвистическая. Если сменяется на графическую, то — логико-графическая (логографическая). Если же вербальная или графическая заменяется числовой (математической), то на — математическая.

В отличие от формы, которая при обработке может сохраняться, содержание всегда преобразуется — агрегируется (сжимается). В том случае, когда имеет место только сжатие, то методика — агрегативна. Когда же наряду со сжатием происходит выявление латентных аспектов содержания, она экстрагативна. Под латентными аспектами имеется в виду та часть содержания, которая не может быть понята в результате ознакомления с текстом.

Общее число методик обработки информации или, иначе говоря, информационно-аналитических методик весьма велико, особенно с учетом вариативности некоторых из них. В этом отношении выделяется контент-анализ, который имеет не один десяток вариантов¹.

Все информационно-аналитические методики «распределяются» по исследовательским методам, хотя далеко не в равной пропорции. Агрегативные логико-лингвистические относятся к логико-интуитивному методу, экстрагативные математические — к методу исчисления. Все остальные принадлежат к методу моделирования. Данное

¹ Наиболее полный обзор методик контент-анализа содержится в работе: Frai and Rulopp. East-West relations. Cambridge (USA), 1983. Vol. 2. Кроме того, в ней детально описывается процедура его применения (в компьютеризированном варианте).

«распределение» не следует возводить в абсолют, так как могут применяться разного рода гибридные варианты и комбинации.

Применение логографических, а тем более, математических методик реально значимо только тогда, когда полученные при этом результаты могут быть преобразованы обратно в первичную вербальную форму, то есть интерпретированы. Вопрос об интерпретации заслуживает того, чтобы остановиться на нем более подробно.

Понятие «интерпретация» имманентно содержит в себе представление о наличии некоторой неопределенности, обуславливающей многозначность понимания, а следовательно, вариативность обратного преобразования (вербального описания). Соответственно, сама интерпретация — это выбор одного из вариантов, который на том или ином основании считается наиболее адекватным.

Данная трактовка не может вызвать каких-либо возражений, но при этом упускается из виду, вольно или невольно, мера неопределенности, так как имплицитно полагается, что она всегда достаточно велика. Между тем, это далеко не всегда так. Она может быть не только низкой, но нередко даже нулевой. Соответственно, многозначность уступает место в первом случае относительной, а во втором — абсолютной однозначности. При такой мере неопределенности интерпретация приобретает свою простейшую, безальтернативную форму — пояснение.

Применительно к графическим конструкциям даже и пояснения зачастую не требуется (нулевая неопределенность). Более того, во многих случаях они способствуют более точному пониманию вербального описания, если последнее является громоздким и сложным для понимания. Интерпретация оказывается необходимой, прежде всего, при преобразовании числовых выражений в вербальные и реже в графические формы. Именно эти последние демонстрируют самый широкий интерпретационный спектр: от полной определенности до широкой многозначности, которая требует глубокого осмысления.

Переходя к заключительному, третьему этапу изучения — этапу осмысления — следует заметить, что под осмыслением принято понимать выявление отображенных в содержании информации сущностных свойств изучаемого объекта или предмета. Их знание обеспечивает формирование адекватного представления о нем, то есть его понимание.

В отличие от практической деятельности, где понимание есть в основном результат эмпирического опыта и/или здравого смысла, в науке оно имеет теоретическую основу, которая и образует определенный исследовательский подход. Он включает две составляющие: общенаучную и частнонаучную (предметную). В зависимости от их соотношения можно выделить два класса подходов: субстанциональные — преобладает частнонаучная; в рамках изоморфных подходов всегда в большей или меньшей степени имеет место эффект замещения соответствующей предметной теории другой и даже другими, связанными с генезисом данной общенаучной парадигмы.

Вообще, сам принцип изоморфизма предполагает возможность замещения одного теоретического знания другим на основе логиче-

ского подобия закономерностей. Особую роль при этом играет математика, а, следовательно, и метод исчислений.

Если под этим углом зрения посмотреть на современное состояние политологии, то совокупность основных используемых в ней подходов представляется в следующем виде.

Таблица 3

Тип подхода Парадигма	I — Субстанциональный	II — Изоморфный
A. Философская	Историсофский подход	
B. Физикалистская (m — e)	Факторный подход	Синергетический подход
C. Информационная (I)	Кибернетический подход	Теоретико-игровой подход
D. Организационная (O)	Системный подход	Структурно- функциональный подход

Приведенная таблица нуждается в некоторых уточнениях. Во-первых, в том, что касается включения философии. Она возникла на заре развития науки как исходное синкретическое общенаучное знание, которое продолжает сохранять свое значение и сейчас. Парадигмальная эволюция не противостоит ему, а лишь дополняет его и способствует его развитию. В данном случае имеется в виду, естественно, не вся философия в целом, а одна из ее частей — политическая философия, которая с определенной долей условности может рассматриваться как парадигма. Во-вторых, это — «физикалистская парадигма». Под ней имеется в виду механистическая и энергетическая парадигмы. Необходимость их объединения была обусловлена тем обстоятельством, что в настоящее время они далеко не всегда выступают в качестве самостоятельных. Более того, как пример, синергетический подход представляет собой результат влияния систем.

В таблицу включены отнюдь не все используемые подходы, а лишь основные. Кроме них существует и немало других, среди которых есть весьма «экзотические» (например, рельефный подход Р.Аксельрода).

Особой инновационной активностью отличается группа изоморфных физикалистских подходов. Каждое серьезное открытие в теоретической физике обычно ведет к появлению нового подхода. Не составляет исключения в этом плане и весьма популярный сейчас синергетический подход, который «родом из термодинамики».

Данная инновационная активность физики, объясняемая не столько бурными темпами ее развития, а прежде всего тем «культом физики», восходящим еще ко взглядам О.Кокта и присущим философии позити-

визма. И хотя она подвергается все более серьезной критике, но отнюдь не сдала своих позиций, особенно в американской науке. Существенным резервом у нее является математизация и развитие компьютерных технологий.

Сопоставление эволюции двух этих классов исследовательских подходов приводит к выводу, что изоморфные в целом развивались гораздо более интенсивно, чем субстанциональные. Именно им принадлежит основная заслуга во внедрении метода моделирования и экстрагративных информационно-аналитических методик. Вместе с тем, им всем присущи такие недостатки как незавершенность и перекодировка. Есть серьезные основания полагать, что они органически присущи любому теоретическому замещению.

Дело в том, что изоморфизм, как и любая аналогия, по самой своей природе не может претендовать на достаточность. Даже если он обоснован, то его достаточность требует строгого доказательства. Задача эта отнюдь не простая, так как предполагает четкую корреляцию между понятийным аппаратом различных частнонаучных теорий. Тут всегда неизбежны достаточно вольные допущения. Зачастую, чтобы избежать их, прибегают к математике, однако при этом еще больше возрастает опасность перекодировки. Оценивая в целом роль изоморфных подходов, следует заметить, что она, будучи несомненно положительной, все же оказалась ограниченной. Более того, со второй половины 80-х годов она явно ослабевает, что дает основания предполагать, что их возможности, по крайней мере сейчас, исчерпаны или почти исчерпаны¹.

Инициатива переходит к субстанциональным подходам, прежде всего к системному. Однако здесь вновь витает то, что можно назвать проблемой завершения политологического синтеза². Ее неразделенность тормозила и продолжает тормозить развитие субстанциональных подходов.

¹ В этом отношении весьма характерна судьба теоретико-игрового подхода, который в 70-80-е годы претендовал на универсальность («математическая модель борьбы»), однако постепенно стало выясняться, что ему присущ целый ряд ограничений, без преодоления которых его эффективность в политическом анализе, в конечном счете, оказалась невелика.

² Имеется в виду продолжающееся еще становление политологии как самостоятельной целостной научной дисциплины. Как следствие, существуют по поводу ее статуса две альтернативные точки зрения. Сторонники одной считают ее совокупностью субдисциплин других наук (социологии, правоведения, психологии и т.п.), объединенных лишь предметом исследования. Сторонники другой рассматривают как самостоятельную целостную научную дисциплину. Одной из последних попыток найти компромисс можно считать концепцию А.А.Дегтярева (см.: Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. М., 2000).

Наличие альтернативных точек зрения объясняется не столько субъективными, сколько объективными причинами — специфическими особенностями политики и прежде всего ее комплексной природой, а следовательно, ее адекватное отображение возможно только на основе междисциплинарного синтеза (политологического синтеза).

Сама по себе смена общенаучных парадигм не сыграла в этом плане решающей роли, да и не могла сыграть, так как в рамках субстанциональных подходов доминирует частнонаучная теория, то есть политология.

Ее недостатки лишь отчасти могут быть компенсированы общенаучными теориями. Не случайно традиционный исторический подход и неразрывно связанный с ним логико-интуитивный метод продолжают сохранять позиции, причем не только в отечественной, но и в зарубежной науке. Стагнация изоморфных подходов даже усилила их влияние.

Подобного рода органическое единство исследовательского метода и подхода в целом не присуще политологии, поскольку остальные исследовательские подходы, хотя и ориентируются на определенный метод, но далеко не столь строго. В принципе изоморфные подходы ориентированы на метод моделирования, однако далеко не всегда эта ориентация реализуется в силу прежде всего нерешенности многих вопросов замещения. Что касается субстанциональных подходов, то тут налицо дуалистичность, о которой уже шла речь.

Совокупность исследовательских методов и подходов образует методологию соответствующей научной дисциплины. Наличие в ее составе многих разнородных и, в частности, изоморфных исследовательских подходов является несомненным симптомом того, что ее становление еще не завершено. Об этом же свидетельствует и отсутствие доминирующего исследовательского метода, что, как уже отмечалось выше, характерно для современного состояния политологии.

Зоной действия методологии является в принципе только стадия осмысления, но иногда под влиянием субъективных предпочтений исследователя она распространяется даже на стадию отбора и, в частности, на фазу фильтрации. В этом случае к категории необходимой относится только та вторичная информация, которая получена в результате применения определенного исследовательского подхода и метода, а вся остальная квалифицируется в лучшем случае как избыточная, а то и как ненаучная¹.

В рамках этапа осмысления можно в первом приближении выделить три фазы: индуктивную, дедуктивную и креативную. В ходе первой формулируется исходная концепция (гипотеза) с помощью понятийного аппарата определенного исследовательского подхода. Выбор же методологии, а следовательно, и исследовательского подхода происходит еще до начала исследования и, как правило, предопределяется профильной специализацией исследователя (исследователей).

На следующей, дедуктивной фазе происходит преобразование исходной концепции в развернутую. При этом проявляется различие между чисто теоретическим (политологическим) и прикладным (политическим) исследованием. В политологическом осуществляется дета-

---

¹ Наиболее ярким примером этого можно считать крайне негативное отношение последователей школы «модернизма» (сциентизма) к историческому описанию как к таковому. В экстремальном варианте вообще отрицание истории как науки (необъективность).

лизация и уточнение исходной концепции, а в политическом еще и операционализация. Необходимость детализации и уточнения вытекает из самой природы исходной концепции, которая всегда слишком лапидарна и в этом плане представляет собой слишком грубый аналитический инструмент. От того, насколько успешными будут детализация и уточнение непосредственно зависит эффективность операционализации.

В рамках заключительной, креативной фазы имеет место «наложение» развернутой концепции на изучаемую информацию. В результате происходит устранение той неопределенности, которая существовала до начала исследования, что и означает появление нового знания. О его содержании уже шла речь, когда рассматривался вопрос о типологии вторичной информации.

Несмотря на то, что в ходе осмысления исследовательский метод играет неглавную роль, которая принадлежит исследовательскому подходу, его влияние весьма существенно и особенно на двух первых фазах. При использовании логико-интуитивного метода исходная концепция слабо структурирована, а ее рамки четко не заданы¹. С одной стороны, это — несомненный недостаток, но, с другой, очевидное достоинство, так как делает ее эластичной, способной к внесению существенных изменений, хотя, естественно, осложняет процесс детализации и уточнения.

При использовании метода моделирования строгое структурирование исходной концепции является обязательным, ибо только при этом условии она представляет собой концептуальную модель. Это облегчает как детализацию, так и особенно уточнение, но почти исключает возможность изменений. Таким образом, с известной долей условности можно считать, что логико-интуитивный метод адаптируется к информации, а метод моделирования адаптирует ее. Эта их специфика самым непосредственным образом влияет на характер результатов креативной фазы².

---

¹ Это вполне естественно, так как определенное число логических связей заменяется интуитивными представлениями. Вопрос лишь в том, сколько их и насколько они значимы? От этого зависит строгость или аморфность концепции, а следовательно, и тех гипотез, которые формулируются на ее основе.

² Не вдаваясь здесь в данную проблематику, необходимо лишь отметить, что в принципе метод моделирования дает более точные и, что не менее важно, поддающиеся обоснованию результаты. Интуиция по своей природе несовместима с вопросом: почему?